

Принц Японии

Это случилось в Киото, прежней японской столице, во время цветения сакуры. В старом Императорском саду, спрятавшись за расцветшим деревом, плакала потерявшаяся русская девочка. Отец её, баптистский миссионер, вместе с представителями иных христианских конфессий после совместного фотографирования отправился на приём к императору, а она от скуки решила прогуляться по саду. Но цветущие деревья оказались на редкость одинаковыми, так что скоро Женька основательно заблудилась. Разросшийся за столетия сад был огромен, и вместо того чтобы искать папу, она не нашла ничего лучше, как реветь под огромным деревом. В честь праздника сакурами, что означает "любование сакурой", Женьку одели в бело-розовое кружевное платье и завязали на голове два хвостика, увенчав их ярко-розовыми бантами, и такого же цвета лакированные туфельки украшали ноги девочки в гольфах, которые сейчас съехали вниз от долгого блуждания среди деревьев.

Отчаяние девочки сделалось невыносимым, когда позади неё раздался вдруг тихий голос:

- Коннитива!

Женька обернулась. Перед ней стоял мальчик-японец в белом, расшитом хризантемами кимоно. Он сложил перед собой ладони и, поклонившись, спросил:

- О-намаэ-ва нан дэс ка?

Слёзы у Женьки застыли на глазах, и она с изумлением вытаращилась на чудного мальчика. Женька была убеждена, что мальчишки, подобно двум её старшим братьям, просто обязаны ходить в измазанных шортах-футболках-кедах, с взлохмаченными волосами и вечными ссадинами на локтях и коленках. Она дома тоже не отставала от них, и в этом розовом платье чувствовала себя как будто превращённой в куклу.

А мальчик словно сам был фарфоровой японской куклой, белокожий с гладкими блестящими волосами и тёмными восточными глазами.

Так и не дождавшись от девочки ответа, мальчик приложил ладонь к груди и с поклоном сказал:

- Ватаси-но намаэ-ва Танака дэс.

Затем, видя, что девочка по-прежнему его не понимает, он с усилием повторил, снова приложив ладонь к груди:

- Танака.

"Его зовут Танака!" - догадалась девочка и, вытерев слёзы ладонями, представилась, также прикоснувшись ладонью к своей груди:

- Женья!

- Жэнья, - повторил Танака и вынул из складок кимоно платочек. Затем он нагнулся к Женькиным ногам и указал на содранную коленку.

- Ах, я не заметила, - прошептала девочка, глядя на запекшуюся кровь. Она не раз сдирала до крови кожу, когда лазила по прибрежным скалам вместе с братьями, но теперь ей стало неловко перед этим вылощенным мальчиком, гладкая кожа которого вряд ли когда-нибудь ощущала боль ссадин.

Дальше Танака сделал неожиданное: перевязал белым платочком Женькину коленку.

Она не успела даже возмутиться, да и всё равно японский мальчик её б не понял!

Танака, выпрямившись, показал Женьке пять пальцев на одной руке и два на другой.

"Ему семь лет!" - догадалась девочка и в ответ растопырила ладонь. Танака улыбнулся и снова поклонился, показывая, что он понял.

- Я потерялась, - Женька жалобно скривила губы и развела руками. Танака кивнул и взял девочку за руку с видом старшего брата. Она улыбнулась, показывая, что готова следовать за ним, и невольно подумала, что здорово, наверное, если б её братья были такие вот чистенькие. А то маме каждый вечер приходится перестирывать им одежду.

Сад снова показался девочке красивым, ведь Танака вне сомнения знал, куда её вести и скоро она увидит папу.

Едва дети приблизились к большому старинному дому, утопавшему в роскошном саду, как навстречу им вышел невозмутимый японец в цветастом кимоно. Его окружали люди, японцы и европейцы, среди которых Женька заметила папу, но не побежала сразу к нему, а осталась с Танакой, тем более что он не отпускал её руки. Женька почувствовала себя вдруг как-то значительней и старше рядом с таким необыкновенным мальчиком.

Японец в цветастом кимоно что-то строго сказал Танаке, отчего тот слегка покраснел, закусил губу и опустил голову.

- Женья, - позвал девочку отец. - Сейчас же иди сюда!

Но вместо того, чтобы послушаться, она посмотрела на Танаку. Он ещё ниже опустил голову и крепче сжал Женькину ладонь. Тогда японец властно повелел что-то своим людям, и те подошли к детям с двух сторон и насильно разъединили их руки. Женьке почему-то захотелось плакать, но она сжала губы, интуитивно понимая, что плакать сейчас недостойно.

- Мата нэ! - сказал напоследок Танака

- Мата нэ, - повторила Женька, не зная, что это значит.

- Канодзё-ва нанидзин дэс? - спросил Танака у японца-сопроводителя.

- Канодзё-ва росиадзин дэс, - ответил тот.

Женька посмотрела на своего сопровождающего.

- Что они говорят?

- Принц Танака спросил, кто вы по национальности, и ему ответили, что вы русская.

- А разве Танака принц? Настоящий? - удивилась Женька, и японец-переводчик утвердительно кивнул, передавая её отцу.

- Отец вами сильно недоволен, - тихо заметила Танаке мать-императрица. - Вы сегодня вели себя недостойно. Зачем вы отправились в сад без сопровождения?

Танака виновато молчал. Император не пожелал с ним разговаривать, сразу отправив к матери.

- Я понимаю, что вы руководствовались благими помыслами, помогая этой русской девочке, но это было неправильно. Вы знаете, что будущий император не принадлежит сам себе и не должны совершать неосмотрительных поступков.

Танака знал, что мать обязана высказать ему нарекания, и терпеливо дожидался, пока она исполнит свой материнский долг.

- Прошу простить меня, мама, - склонившись, попросил он, когда мать замолчала. Затем Танака осмелился заглянуть ей в лицо. Оно выглядело грустным, но не строгим. Тогда

мальчик порывисто обнял её за шею.

- Это необыкновенная девочка, мама, - прошептал он тихо-тихо, - она как будто цветок сакуры.

Мать с улыбкой прижала сына.

- Иди в сад, погуляй. Только не отходи от Судзуки, чтобы я не волновалась. И не забудь про урок рисования, сегодня придёт твой любимый сенсэй!

Она знала, что сын особенно выделял рисование из всех многочисленных дисциплин, которыми ему приходилось заниматься, и сенсэй им гордился: Танака обещал стать выдающимся художником, хотя император настаивал на том, чтобы мальчик гармонично развивался во всех науках и искусствах.

В саду Танака отправился с гувернёром на место, где встретил девочку.

- Посмотрите, ваше величество: какой необычный цветок распустился на вашем дереве, - голос молодого Судзуки прозвучал насмешливо. Он снял с куста ярко-розовый бантик и показал принцу. Тот, хмурясь, взял бантик, но не сдержался и расплылся в счастливой улыбке. Наверное, то же самое испытывал и сказочный принц, когда поднял с лестницы упавшую туфельку Золушки.

А в это время императрица в сильном смятении стояла перед великолепной репродукцией "Мадонны Литы", висевшей в Европейском зале. Скрестив на груди руки, она вспоминала день, когда восемь лет назад после рождения двух дочерей просила неведомого Бога дать сына. Будда её не слышал, да и предки оставались глухи к мольбам императрицы. А вот Он ответил сразу, этот неведомый западный Бог. Впрочем, тоже "восточный", только Восток этот на другом конце света. И встреча Танаки с девочкой, отец которой служит этому Богу, не была случайной. Императрица вздохнула. С младенческих лет Танака изыскано одевался, даже памперсы, разовые нагрудники и салфетки у него были специального изготовления или ручной работы. На всех них обязательно изображалась шестнадцатилепестковая хризантема - неизменный символ императорского дома ещё с 16 века. Кимоно Танака носил с раннего детства. У него их было по не сколько десятков на разный возраст. И хотя Танаке всего семь лет, кимоно для него уже расшивали на более поздний возраст. Все кимоно - кропотливой ручной работы с обязательным императорским знаком-хризантемой. Императрица собственноручно вышивала для Танаки свадебное кимоно, которое намеревалась закончить к совершеннолетию сына. В японской семье, даже императорской, изготавливать кимоно считалось весьма почетным делом, а мама Танаки являлась большой искусницей. Всю юность она посвятила изучению японской культуры, выращиванию цветов, разведению певчих птиц и, конечно же, искусству изготовления кимоно.

Танака был её любимцем. Надежда династии связывалась лишь с Танакой, так как в императорском роду у многочисленных родственников, либо вообще не было детей, либо рождались только девочки, слабенькие, чахлые и часто умирали в раннем возрасте. Династия вне сомнения нуждалась в притоке "свежей крови" и для Танаки заранее подыскивали здоровую невесту "со стороны". Тщательно просматривались все японские девочки-кандидатки из более-менее знатных родов, так как требования к принцессе были весьма высоки, и с раннего детства её полагалось воспитывать, как подобает приличной японской девушке. Традиции в Стране Восходящего Солнца всегда

оставались незабываемыми!

В отличие от Танаки Женька большую часть времени была предоставлена сама себе. Она проживала во Владивостоке вместе с родителями и двумя старшими братьями, которые относились к ней, как к мальчишке, и с детства таскали за собой по голым, ошетилившимся редким кустарником скалам над бухтой Тихой. Район улиц Сахалинской славился густыми туманами, холодным морем, с побережьем, усыпанным крупной и мелкой галькой и сильными промозглыми ветрами. Вот в этой суровой природе Женька и выростала, с извечно ободранными коленками, растрёпанными косичками и рано усвоенными мальчишечьими замашками. Она часто висела на волосок от смерти над морем, изо всех сил цепляясь кедрами и пальцами за жёлто-коричневый равнодушный край скалы, и умоляла Господа не дать ей упасть! Только Бог, ангелы и Женька знали, каким чудом удавалось ей выбраться из подобных передряг. Однако, оказавшись на скале, девочка тут же отряхивалась от налипшей грязи, и как ни в чём не бывало, бежала на встречу ребятам, как правило, дожидавшимся её в лесу у костра. Там они жарили неизменные сосиски и вкладывали их в булочки с кетчупом и майонезом. Получались хот-доги, "собачьи сосиски", которые детвора поглощала без меры, не желая возвращаться для обеда в свои дома. Впрочем, матери у них, как правило, были в это время на работах, поэтому летом детвора отрывалась, как следует!

После встречи с японским мальчиком Женька с удивлением переосмыслила свою жизнь. Для неё явилось открытием, что, оказывается, существует иная форма бытия, отличная от её. И есть в мире мальчишки не с торчащими в разные стороны волосами и руками, покрытыми грязью или же морской солью, а, напротив, гладко причёсанные, белокожие и ещё с миндалевидными глазами. Такие учтивые, воспитанные и бесконечно далёкие от её образа жизни и даже самого восприятия окружающего мира.

Женька оказалась глубоко ранена необыкновенным японским мальчиком и не могла забыть его, сколько ни старалась. Эта мимолётная встреча произвела на неё такое глубокое впечатление, что Женьке захотелось узнать о Японии больше, потому что там жил Он, этот загадочный мальчик - японский Принц!

Вскорости Женька занялась аниме - модным, чисто японским "мультипликационным" изображением самых разных известных (и не очень) персонажей. Знакомые-моряки привозили девочке из Страны Восходящего Солнца журналы и комиксы, и она, вооружившись карандашами и красками, старательно перерисовывала картинки и непонятные иероглифы. Заметив увлечение дочерью японской культурой, папа купил ей русско-японский разговорник, и вскоре она выучила его наизусть. Тогда родители решили определить девочку в русско-японскую школу.

Так началась Женькина "японская" жизнь, по окончании школы (с отличием!) приведшая шестнадцатилетнюю девушку в токийский университет. Она удачно попала в программу по обмену студентами и целых два года проживала в университетском городке, познавая "свою" Японию.

Токио - весьма дорогой город, и Женьке приходилось экономить буквально на всём. Но, несмотря на это, она влюбилась в "восточную столицу", куда ещё в 1868 году переехал императорский двор. А раньше столицей являлся Киото, тот самый город, в котором Женька встретила наследного принца Танакаю. А в Токио находился Императорский Дворец. Несколько раз Женька любовалась им издали в надежде хоть мельком увидеть

принца, но это ей так и не удалось: Япония надёжно хранила своё национальное достояние!

Зато в полной мере Женька смогла насладиться колоритом пригородных деревень, куда старалась выезжать каждые выходные. За отпущенные два года она жадно старалась узнать Японию как можно больше и интересовалась буквально всем: историей, культурой, литературой, природой. Даже поднималась на вершину вулкана Фудзи (по-японски, Фудзисан) - наивысшую точку острова, являющуюся такой же достопримечательностью страны, что Эйфелева башня для Франции или Пирамиды для Египта.

"Если человек ни разу не восходил на Фудзи, то он дурак. Но если он сделал это дважды - то он дважды дурак" - гласила мудрая японская пословица. И Женьке не хотелось дублировать свой подвиг: сомнительное удовольствие карабкаться по склонам Фуджи явно не стоило повторять ещё раз!

Женька принимала участие в конкурсе фотографий "Путь цветка", организованном её университетом и проходившем в Государственной картинной галерее. И хотя Женькина работа так и не заняла призового места, она совершенно не расстроилась, потому что в соседнем зале, как оказалось, висели картины принца Танаки! И когда организаторы и участники конкурса фотографий уехали в университет чествовать победителей, Женька устремилась к картинам принца.

Народу было совсем немного: выставка официально не открывалась, и картины только-только развесили по стенам. Работы принца были выполнены тушью и акварелью.

"Красота белизны". Её изобрели ещё в средневековье. При этом в картинах, выполненных тушью, ключевую роль играет пустота. То есть не нарисованное. И лишь где-то в уголку несколько штрихов, передающих мировоззрение художника. Так же как в общении японцев важнее всего не то, что произнесено, а то, что осталось невысказанным. Молчание дороже слов. Когда мысли людей созвучны, то слова становятся излишними. А болтливость указывает на отсутствие взаимопонимания. Когда есть слова, то нет чувств. Молчание лучше выражает чувства, нежели многословие!"

Женька усмехнулась своим мыслям. Как всё-таки сильно повлияла на неё японская культура!

Рисунок сакуры, выполненный акварелью. "Сакуру невозможно сфотографировать, чтобы передать очарование, вызванное любованием этого дерева. Акварельный рисунок, безусловно, ближе к оригиналу, поскольку передаёт чувства художника, но что может сравниться с живым цветком? Жаль, только век его недолог."

Женька переходила от картины к картине, постигая душу принца, и влюблялась в него всё больше. Она изредка видела его по телевидению, жадно читала скудные сведения в газетах. Японская императорская семья - не английская, информация о ней в печати скупая, и принц расписывался журналистами исключительно в радужных тонах. А какой он на самом деле? Перед мысленным взором девушки всплывал изящный юноша с длинными чёрными волосами, нежный, как шестнадцатилепестковая хризантема на картине принца!

- Нравится? - голос за спиной девушки прозвучал по-английски.

Она кивнула.

- Очень.

- Почему?

Женька пожала плечами.

- Невероятно подобраны краски! Цветок словно живой в розовых лучах солнца. Хотя видно, что сама хризантема белоснежная. У принца необыкновенный талант!.. Я никогда не видела такой изысканной акварели. Каждая работа выписана рукой настоящего мастера. Я даже жалею, что увлеклась в своё время аниме. Если б я видела эти работы, то, пожалуй, отдала бы предпочтение акварели!

- Как тает иней, павший на цветы

Той хризантемы, что растёт у дома,

Где я живу,

Так жизнь, растаешь ты,

Исполненная нежною любовью!

Женька с интересом обернулась. Перед ней озорно улыбался молодой японец с обесцвеченной жёлтой чёлкой, в кроссовках и потёртом джинсовом костюме. Из-под расстёгнутой куртки выглядывала ярко-белая футболка. Он, сложив ладони, отвесил ей глубокий поклон - одзиги. В ответ Женька сделала кивок - унадзуки - показывая, что расположена его слушать. За два года, проведённые в Японии, она настолько привыкла к постоянным извинениям, приветствиям и поклонам, что уже не мыслила себя без них. Особенно это касалось учёбы в университете, где существовала жёсткая субординация между студентами и преподавателями, простыми преподавателями и профессорами. Так, например, к преподавателям не полагалось обращаться только по имени, но обязательно нужно было указывать должность - "Ямада кёдзю" - профессор Ямада.

- Разрешите представиться, - произнёс японец так же по-английски, - моё имя Томми.

- Рада познакомиться, Томми, - как можно приветливее сказала Женька, - моё имя Евгения.

- Вы американка?

- Я из России.

Японец засмеялся, показав хоть и белые, но слегка выдающиеся вперёд, обычные для своей нации, зубы. В общем-то, он был симпатичен, хотя японские юноши заметно проигрывают европейцам и американцам в росте и крепости телосложения.

- Эф-гень-а, - повторил он, и Женька улыбнулась.

- Ев-ге-ни-я, - по слогам проговорила она, - потренируйтесь, у вас получится!

- Я знаю много русских женских имён: Наташа Ростова, Татьяна Ларина, Сонечка Мармеладова, - тщательно выговаривая имена, заметил Томми.

- А Евгения Онегина знаете?

Он кивнул.

- Конечно, Пушкин - самый знаменитый русский поэт.

- Вот "Евгения" - это женское имя, а "Евгений", соответственно, мужское.

- Евгения, скоро выставочный зал закрывается, до 17 часов осталось десять минут. Может быть, вы согласитесь составить мне компанию в кафе?

Он взмок, старательно выговаривая эти слова по-русски. Женька изумилась!

- Пож-жалуста! - Томми выдохся.

Женька покачала головой.

- Даже если б я торопилась, то после такого усилия с твоей стороны - я бы согласилась.

Впрочем, я немного говорю по-японски, - она, конечно же, кокетничала: по-японски Женька даже мыслила. Спасибо загадочному принцу Танаке!

Томми предложил девушке на выбор американское, европейское или японское кафе.

- Японское, - не раздумывая, ответила она, - только, пожалуйста, без чайных церемоний.

Томми понимающе хмыкнул: мало кто из европейцев часами мог высиживать в коленной позе. Если мужчинам и дозволялось для разнообразия скрещивать ноги, то женщины должны были непременно сидеть на коленях, лишь изредка смещая вес тела влево или вправо.

Кафе, выбранное Томми, находилось всего в квартале от картинной галереи и представляло собой просторный, усталый циновками-татами зал и разгороженный ширмами на отдельные секции. У входа их встретила девушка-японка в бежевом недорогом кимоно, обхваченным широким шоколадного цвета поясом.

- Ирассяимасэ, - с глубоким поклоном поприветствовала она посетителей, что означало "добро пожаловать".

Томми и Женька слегка кивнули.

- Сумимасэн.

- Гомэннасай.

Они переглянулись, улыбнувшись: забавно, как по-разному, но одно и то же, ответили они на приветствие. В японском языке куча оттенков, предназначенных для общения, главное - это сохранить достоинство при максимальной вежливости к собеседнику. Хотя иногда у Женьки складывалось впечатление, что японцы изо всех сил стараются в разговоре себя максимально унижить, а собеседника возвысить и словно соревнуются друг пред другом. Поэтому они постоянно благодарят и извиняются.

Девушка-японка провела посетителей в секцию, примыкавшую к окну, которое выходило во дворик. Прямо за окном разместился в вазонах типичный японский цветочный садик, который японцы ласково именуют "о-нива". "О" - это префикс ласкательности, уменьшительности, "нива" - просто сад или двор. Но "о-нива" - в японском понимании, что-то бесконечно дорогое, нежное и любезное сердцу каждого японца: садик, садок. Женька часто сопоставляла с этим "о-нива" советские крохотные, сталинские или хрущёвские, балкончики. Очень часто и русские люди в тоске по природе разводят на них свои "сады", но японская душа намного трепетней относится к "о-нива", нежели русские к своим балконным порослям.

Посредине секции на татами был установлен маленький деревянный столик, высотой всего сантиметров тридцать, вокруг которого располагались подушки для сидения. Томми попросил у девушки стул для Женьки. Складной стульчик на японский манер был хоть и без ножек, но зато со спинкой и подлокотниками, и девушка с наслаждением вытянула под стол уставшие за день ноги. Обувь они оставили ещё при входе, получив взамен фирменные мягкие тапочки. Лишь убедившись, что девушка чувствует себя комфортно, Томми расположился на подушке. На столе разместился чайный набор: термос с кипятком, заварка и чашки.

Женька заглянула в меню. Там было указано несколько наборов в среднем из девяти блюд. Большинство наборов начиналось с морепродуктов, затем следовали блюда из мяса птицы, в основном утки, затем ёмоги мандзю - пирожки с морскими угрями и креветками, рыбные блюда+

Женька остановила выбор на якимоно из трески (проще, жареной рыбе) гинтары серебряной трески, которая водится на юге Японии и жирнее обычной. К рыбе она попросила маринад.

Томми же заказал кобэ-стэйк. Женька внутренне усмехнулась: губа, однако, не дура: бифштекс из знаменитого на всю Японию мяса бычков, выращенных по особенному рациону. Она даже слышала, что в корм бычкам входит пиво!

Для неё подобное блюдо было слишком дорого. Хотя сегодня за всё платит Томми. Это был в Женькиной жизни первый случай, чтобы она согласилась на ужин с малознакомым человеком, но уж больно славным показался этот Томми. Типичный токийский парень: смуглый, худощавый, подвижный, стильный. Как ни странно, но парни в Токио выглядят гораздо моднее девушек: больше красят волосы, украшаются и стараются как-то выделиться, хотя это уже не выделение, а скорее массовая молодёжная культура. В японской столице не так сильны традиции, как в провинциях, что, пожалуй, отличает все мировые мегаполисы. Из справочника Женька знала, что в границах Большого Токио проживает двенадцать миллионов человек.

Две девушки-японки принесли деревянную лодку, на которой по ярусам располагались наборы зелени, приправы к акагаи - блюду из моллюсков (и когда только Томми успел заказать?), овощи к мясу и маринад к якимоно из серебряной трески. Ко всему этому изобилию полагались только деревянные палочки. За два года пребывания в Японии Женька научилась орудовать ими не хуже, чем вилками.

- Заметно, что вы хорошо знаете традиции нашей страны, - заметил Томми. Он взял на себя обязанность прислуживать девушке за столом. Женька принимала это как должное, так как японская трапеза всегда отличалась особенной учтивостью, особенно по отношению к иностранцам.

- Да, мне довелось побывать в Японии ещё в детстве. Эта поездка произвела на меня незабываемое впечатление.

- Мне тоже всегда хотелось поехать в Россию, но, к сожалению, не всё зависит от нашего желания.

- Да, - грустно кивнула Женька, - вот я бы хотела навсегда поселиться в Японии, но ваша страна не любит оставлять чужаков.

- Япония очень маленькая, и мы дорожим своей нацией и культурой, - заметил Томми.

- Зато Россия большая, и кого только она не принимает! Места хватает всем. Так что - милости просим, Томми!

Он засмеялся, обнажая зубы. Женька невольно подумала о том, что японки, когда смеются, всегда прикрывают ладонью рот, а мужчины - нет, почему? Сколько ни расспрашивала, она так и не получила вразумительного ответа.

- Спасибо. Я надеюсь обязательно там побывать.

- Ну, про Курилы и Сахалин говорить не будем, ладно? Пусть это дело правители решают, куда нам до них, простым смертным.

Томми хмыкнул и странно сверкнул на Женьку раскосым взглядом.

- Не будем, - подтвердил он.

- А что ты в Токио делаешь? Проживаешь?

- Учусь.

- В университете?

- Не совсем, - он помедлил с ответом, - в закрытом учебном заведении для детей из аристократических семей.

- Ого, так ты аристократ? - она, не сдержавшись, засмеялась. - И знаешь принца Танаки?

- Мы знакомы.

- А какой он? - от волнения Женька выронила палочки.

Томми нахмурил лоб.

- Какой? О, он очень крутой, - Томми надул щёки, - напыщенный весь такой, важный.

- Иди ты! - Женька покраснела. - Вот уж ни за что не поверю!

- Почему? - глаза Томми весело блестели.

- Просто+ Он совсем не такой.

- А откуда ты знаешь? Не думаю, чтобы ты с ним встречалась.

Женька промолчала. С какой стати она будет рассказывать этому японцу о своей встрече с Танаки? И о том, какое впечатление произвел на Женьку маленький принц.

Вот если б взглянуть на него хоть разик! Каким он стал? Всё так же красив?

- Скажи, а ты можешь показать мне Танаки?

Томми поджал губы.

- А зачем?

- Как это "зачем"? - удивилась Женька. - Он же принц! Интересно посмотреть на будущего правителя Японии.

- Он не настоящий правитель. Всем управляет Парламент во главе с премьер-министром. А император сейчас лишь достопримечательность страны. Как сакура, Фудзияма или+ суши.

Женька засмеялась: юморист таки этот Томми, по мере общения он нравился ей всё больше. Такой простой парень, хоть и аристократ. Обычно японцы более сдержанные, а Томми - весёлый! И вообще он весьма необычный хотя бы потому, что пригласил её, незнакомую иностранку, ужинать. Какой-то он слишком+ американизированный что ли+ И она хороша - согласилась!

- Хотя, - японец сощурил свои и без того узкие глаза, отчего они стали полумесяцами. - Если ты обещаешь поехать со мной завтра в пригород, чтобы полюбоваться природой, может быть я и покажу тебе Танаки.

- Поеду, - сходу пообещала Женька. - Знаешь, я бы и без Танаки с тобой поехала, потому что ты весёлый, а у меня последняя неделя отдыха перед возвращением в Россию.

- Договорились, - Томми чрезвычайно обрадовался. - Я заеду за тобой на рассвете.

Действительно, чуть свет завибрировал Женькин мобильник: Томми! Она тихонько, чтобы не разбудить однокурсниц, выбралась из комнаты университетского общежития.

Томми ожидал её возле машины, чёрного двухместного вседорожника. Забираясь в машину, Женька заметила на заднем сидении красные пластиковые термоса, вероятно с едой, и два мольберта.

- Ух ты, мы будем рисовать? - восхитилась она. - А я взяла фотоаппарат!

- Ты говорила, что мечтаешь научиться писать акварелью, - невозмутимо заметил Томми. - Вот я и прихватил пару мольбертов.

- Спасибо, - Женька была растрогана такой заботой. - Ты настоящий друг!

Томми довольно улыбнулся на Женькино замечание и включил музыку. Салон наполнили голоса птиц, журчание ручья и бесхитростная японская мелодия.

- Не возражаешь? - Томми кивнул на магнитофон.

- Нет, что ты, - Женька улыбнулась, - мне очень нравится!

Она не лукавила. Стараясь постичь японский менталитет, Женька многое принимала без рассуждений, стараясь применять больше интуицию. Она прочитала о том, что исследования головного мозга японцев показали, что их левое полушарие (область речевого центра) оперирует не только словами, но и различными чисто природными звуками: шумом ветра, трелью ручья, голосами птиц, а также музыкой, смехом, плачем. Обычно все механические шумы улавливает правое полушарие мозга, а у японцев - наоборот!

Как-то профессор Ямада поразил Женьку тем, что, войдя утром в полупустую аудиторию, на ходу издавал свистящие звуки, и все студенты разом догадались, что на улице сильный ветер. Поначалу Женьку сильно удивляло то, как японцы часами могут любоваться природой или как тратят всё своё свободное время на созерцание какого-нибудь цветочка или птички, но постепенно она привыкла и даже сама начала находить в этом удовольствие.

Женька обратила внимание, что путь их лежит строго на север. Выезжая на автомагистраль Тохоку, Томми притормозил, но встречный водитель тоже остановился, уступая им дорогу. Тогда Томми, кивая, крикнул в окно: "сумимасэн", что значит "извините" и выехал на автомагистраль. Женька нимало не удивилась. Всё правильно: у японцев всегда так, каждый стремится уступить другому. Она подумала о том, что это весьма странно: не принимая христианства в целом, японцы жизнью растворили закон Иисуса: "кто желает быть наибольшим, пусть будет наименьшим". Может быть поэтому Япония достигла такого невиданного экономического расцвета?

Они не разговаривали. Слова были лишними. Так классно нестись на джипе с опущенными стёклами по скоростной автомагистрали! Выходило ласковое майское солнце, и день обещал быть чудесным.

Женька откинулась на сиденье и закрыла глаза. Хорошо-то как! И отчего европейцам обязательно нужно разговаривать? Когда молчание затягивается, они чувствуют себя неуютно и обязательно что-нибудь говорят, часто пустое. А у японцев молчание свидетельствует о духовной близости людей. И если влюблённые много разговаривают, то это означает, что они разучились понимать друг друга без слов. Полагаясь на одну лишь логику невозможно понять японскую душу. Здесь, как и в искусстве, всегда важен контекст. Значение имеет не то, что высказано, а то, что осталось невысказанным. Лишь контекст объясняет мысль+

Доехав до Уцуномии, они свернули с магистрали налево и поехали по шоссе 119, и Женька взглянула на указатель - 32 километра до Никко. Она прекрасно знала про этот необычный даже для Японии храмовой комплекс: эдакую смесь синтоизма с буддизмом, включающую гробницы великих японских правителей. У неё испортилось настроение: будучи христианкой она не любила посещать языческие храмы и невольно заёрзала на сидении.

- Мы куда едем?

- К озеру Тюдзэндзи.

Женька облегчённо вздохнула. Она опасалась обидеть Томми своим мировоззрением, прекрасно сознавая какое значение придают японцы вековым традициям.

Солнце уже поднялось и утренняя прохлада сменилась приятным до полуденным теплом. Вдали высились горы, к которым простирались полные отцветающих деревьев долины. Яркая весенняя зелень постепенно вытесняла розоватый туман цветов.

Женька не выдержала:

- Я не могу найти цветов расцветшей сливы,

Ч то другу показать хотела я:

Здесь выпал снег, -

И я узнать не в силах,

Где сливы цвет, где снега белизна?

- Ты знаешь стихи Ахакито? - удивился Томми.

- А ты? - дерзко спросила в ответ Женька. - Именно Яманобэ Ахакито был одним из основателей японской пейзажной лирики.

- Ну, Ахакито занимал не очень высокие должности при императорском дворе, - снисходительно заметил Томми. - Мне больше по душе Хитомаро. Придворный поэт, слагавший правителям оды и элегии.

- Тоже мне Ломоносов! - по-русски фыркнула Женька, а по-японски спросила: - А тебе известны стихи Ахакито?

Томми небрежно продекламировал:

- Когда бы вишен дивные цветы

Средь распростёртых гор всегда благоухали

День изо дня,

Такой большой любви,

Такой тоски, наверно, мы б не знали!

- Ух ты! - восхитилась Женька и попросила: - Пожалуйста, останови машину! Давай выйдем, посмотрим!

Томми припарковался на обочине шоссе. Они стояли на краю огромной, уходящей вглубь и вширь долины, сплошь покрытой цветущими деревьями и кустарником. Лёгкий ветерок доносил до них неземные благоухания. Солнышко слегка припекало, и от земли поднимался пар - это высыхала роса, которая растворялась в ароматах долины, делая их ещё насыщеннее.

- Там, где Асука воды,

Не покинет вдруг заводь

Туман, разостлавшийся лёгкою дымкой, -

Не такой любовью люблю,

Чтобы быстро прошла+

Как я люблю Японию! - неожиданно призналась Женька. - Слава Господу, что Он показал мне её пятнадцать лет назад! Знаешь, я ведь тогда раз и навсегда влюбилась в эту страну беспредельно. И где б я теперь ни жила, моё сердце навсегда останется здесь.

Томми удивленно посмотрел на неё.

- Вот это признание. Ты не японка, но так говоришь. Отчего это?

- Ты не поверишь, - Женька рассмеялась, - это из-за вашего принца.

- Танака?! - глаза Томми по выразительности запросто могли дать фору европейским глазам!

Женька кивнула.

- Не спрашивай больше. Это моя тайна!

Они сели в машину. Томми выглядел напряжённым. Несмотря на всё своё самурайское самообладание, он не выдержал.

- Пожалуйста, расскажи мне твою тайну! Видишь ли, Танака знаком мне с детства, и я точно знаю, что он не мог с тобой встречаться: ему не разрешалось играть с детьми иначе как из благородных семей и то под присмотром гувернёров.

- Но ты же не следил за каждым его шагом, - возразила Женька, - а я с ним даже разговаривала.

Машина резко затормозила.

- Не лги! - брови Томми сдвинулись в одну полоску, и жёлтая чёлка упала на лицо. - Я точно знаю, что Танака тебя никогда не видел!

Женька поджала губы: очень надо ей что-то доказывать этому японцу! Но затем всё же расстегнула сумочку и вынула из потайного кармашка свой талисман-платочек с вышитой на нем шестнадцати-лепестковой хризантемой - символом императорского дома.

- Смотри, - она небрежно протянула платочек Томми. Тот долго молчал, разглядывая вышитую хризантему.

- Откуда это у тебя?

- Танака перевязал мне коленку, когда нашел меня плачущей в императорском саду.

Губы Томми растянулись в непроизвольной улыбке. Он пытался её удержать, но не сумел.

- Теперь я понимаю, отчего ты так хочешь увидеть принца.

Женька выхватила из его рук платочек и спрятала обратно в сумочку.

- Тебе смешно?

- Что ты! Совсем нет+ расскажи мне подробнее о вашей встрече.

- Что там рассказывать, - вздохнула Женька. - Он меня и не вспомнит. А я, наверное, влюбилась на всю жизнь. Это из-за Танаки я приехала в Японию, выучилась аниме+ Да ладно, какая девчонка не мечтает о сказочном принце?.. Может быть лучше мне его не видеть вовсе, чтобы не разрушилась сказка+ или, наоборот, чтобы не разрушилась моя жизнь. Я ведь простая девушка, а он принц крови.

Томми усилил музыку. Лицо его приняло бесстрастное выражение, обычное для японцев, по которому никогда нельзя догадаться о чувствах собеседника. Женька пожалела, что рассказала ему свою тайну. Зачем?

Подъехав к озеру, Томми припарковал машину у обочины возле самого берега. Наскоро перекусив обыкновенными гамбургерами с кофе, они, вооружившись мольбертами и акварелью, отправились к водопаду Кэгон, находящемуся всего в пяти минутах ходьбы от Тюдзендзи онсэн. Водопад порастил Женьку своими размерами. Томми сказал, что высота его девяносто семь метров, но наиболее водопад красив зимой, когда потоки воды замерзают в виде гигантских каскадов и наплывов.

По краям водопада так же отцветали плодовые деревья, издали представлявшие туманными облаками, спустившимися на землю.

Томми установил мольберты и кнопками закрепил на них плотные бумажные листы. Он показался Женьке по-особенному задумчивым. Томми предложил рисовать деревья и привычными движениями стал подбирать на палитре краски. А Женька тем временем

рассматривала окрестности.

- Сколько лет Национальному парку Никко? - поинтересовалась она.

Томми пожал плечами.

- Свою известность он обрёл в восьмом веке, когда здесь обосновался монах Сёдо.

Примерно в то же время Хитомаро написал:

- О, с давних пор на склонах Фуруяма,

Где машут девы белотканым рукавом

Своим возлюбленным,

Стоит священная ограда.

С таких же давних пор я полюбил тебя!

- Историки говорят, будто у Хитомаро было три жены, ты об этом знаешь?

Томми кивнул.

- Чувств Хитомаро хватало на всех жён. В седьмом-восьмом веках полигамия была обычным явлением.

Он искоса посмотрел на Женьку.

- И люди те,

Что жили в старину,

Ужели так же, как и я, страдали

И, о возлюбленной своей грустя,

Ночами долгими не спали?

Женька засмеялась, но внезапно погрузилась и тихо спросила:

- А как ты думаешь, Томми, стоит мне встречаться с Танакой или нет? Как он сам к этому отнесётся? Будет смеяться?

- Не думаю, что ему будет смешно, - серьёзно сказал Томми. - Знаешь, Евгения, мне не хочется устраивать тебе с Танакой аудиенцию, потому что+ тогда ты забудешь обо мне.

Я не в силах конкурировать с принцем.

- Томми, опомнись! Какая конкуренция? Он, даже если бы сильно захотел, никогда не смог бы жениться на мне, потому что я не принцесса и даже не аристократка. К тому же я христианка, а он буддист. Ты же знаешь, что в Японии самая сильная вещь - это традиции, переступить которые никому не дозволено, а тем более принцу!

- И, тем не менее, я не хочу, чтобы ты встречалась с Танакой.

- Эх ты, а ещё друг называется, - Женька обиделась.

- В любви каждый сам за себя.

- В любви? - обида моментально схлынула, сменившись изумлением. - Ну, ты даешь! Мы же знакомы всего второй день!

- А ты веришь, что бывает так, что люди предназначены друг для друга? - глаза Томми стали большими и доверчивыми, как у маленького мальчика.

Женька, задумавшись, сощурилась.

- Знаешь, наверное, верю. Хоть это и глупо звучит! Где-то глубоко в душе я надеялась+ Нет, правда, это очень наивно, но я думала, что Танака меня не забыл. - Она вытерла подступившие слёзы. - Прости, но ты сам спросил. Я думала, что мы предназначены друг для друга.

Томми подавил тяжёлый вздох.

- Я глупая. Знаю. Но.

- Не говори ничего больше, - перебил её Томми. - Я понимаю. И устрою тебе встречу с принцем.
- Правда? - она обрадовалась. - И ты не обижаешься?
Он грустно улыбнулся.
- От судьбы не уйдёшь!

*Светлана Капинос
March 11, 2010*

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/3696>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com